

Евгений Черносвитов

АКАФИСТ

Григорию Распутину

Евгений Черносвитов
Акафист Григорию Распутину

«Издательские решения»

Черносвитов Е. В.

Акафист Григорию Распутину / Е. В. Черносвитов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834065-9

«Акафист Григорию Распутину» — книга, в которой нет ни одного вымышленного персонажа или придуманной сцены. Она — документальна. В сюжет «Акафиста...» вплетены исторические нити. Книга с большой интригой и скрытым смыслом. Документы, использованные в книге, в большинстве взяты из семейного архива Евгения Васильевича Черносвитова, в жилах которого течет кровь князей Ухтомских и графов Новых (Новокрещеновых). Предлагаемая читателю книга является 2-м изданием, дополненным и более откровенным.

ISBN 978-5-44-834065-9

© Черносвитов Е. В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
1. Разговор, подслушанный филёром Борисом Яковлевым, летом 1903 года за дверью спальни Константина Петровича Победоносцева, обер-прокурора Синода	8
2. Из архива тибетского врача Джамсарана Бадмаева: записка Илиодора о Распутине (подлинник этого письма хранится у высокопоставленной особы, близкой ко двору. Она выдаст его только для личного представления)	10
3. Биография Григория Ефимовича Распутина рассказанная им самим нижегородскому мужику Геннадию Ивановичу Шевелёву 26 января 1913 года	15
Рассказ Григория Распутина о паршивой суке, умевшей крутить, хвосты породистым кобелям	18
Продолжение рассказа Г. Е. Распутина нижегородскому мужику Г. И. Шевелеву в Почаевской лавре. (Из «Писем к царям»)	20
4. Рассказ о лысой купчихе Яблоковой или Казанское чудо	21
Продолжение мыслей Г. Е. Распутина из «Писем к Царям» 1911 г.	22
Еще немного о лысой купчихе Яблоковой	24
Прабабушки-прадедушки прорабов перестройки: продолжение акафиста Г. Е. Распутину	26
Из «Краткого описания Константинополя».	27
Мысли Г. Е. Распутина	
5. Одна приватная беседа между Распутиным, Бадмаевым и монахом Илиодором о странностях русской души или... абракадабра	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Акафист Григорию Распутину Евгений Черносивитов

© Евгений Черносивитов, 2016

© Оксана Альфредовна Яблокова, дизайн обложки, 2016

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

ISBN 978-5-4483-4065-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Распутье, распутство, распутинщина...»
(княгиня, Мария Алексеевна Ухтомская)

Вместо предисловия

Мой давнишний друг, из донских казаков, родной племянник Михаила Александровича Шолохова, уж веки-вечные проживающий в небольшом дальневосточном поселке на мысе Лазарева, где с одной стороны Татарский пролив с гуляющими по нему амурскими волнами, а с другой, сам батюшка Тихий океан, вдруг прислал мне в Москву рассерженное письмо. Он вообще-то не любитель писать, ну, так, раз в пять лет я получаю от него весточку, то поздравительную телеграмму, то открытку. А тут – письмо! На четырех тетрадных листках и мелким почерком, «Куда вы там смотрите, врачи, психотерапевты, психиатры, философы материалистические диалектики и диалектические материалисты!», – обращается он в моем лице к моим, как видно, коллегам из Всероссийского общества невропатологов и психиатров и Философского общества СССР. Да, именно так он начал.

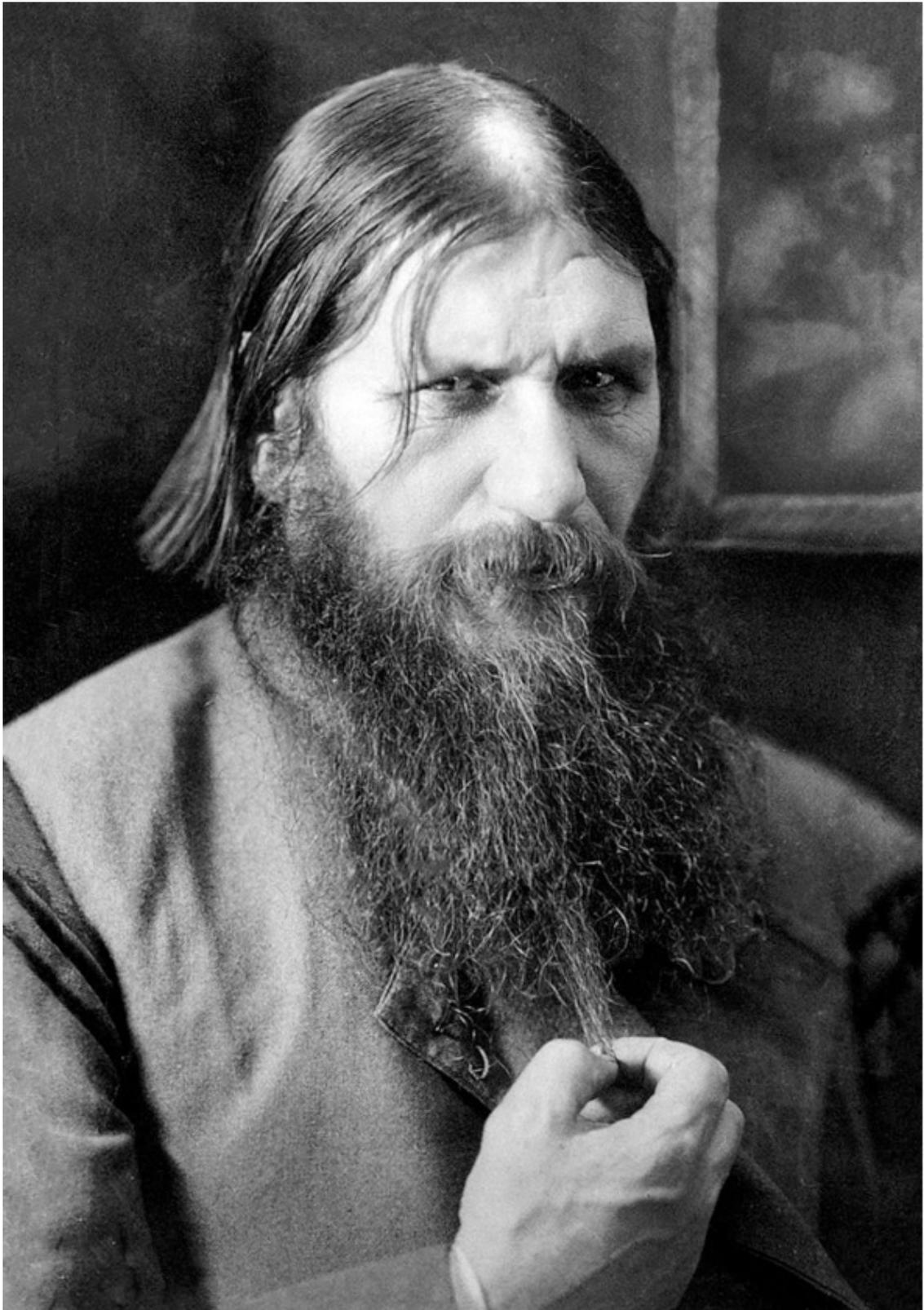
«Что ждать от нас, глубинки, когда столица с завихрениями от инопланетян и барабашек, типа Чумака и Кашпировского...» И все письмо только об этом, «нахальном, примитивном, агрессивном шарлатанстве», овладевшем средствами массовой информации, «обалдеваешь, когда видишь эти китайские тени в мертвом свете телеэкрана, вычурно принимающие позы то Христа, то фюрера...» Анатолий Журавлев (так имя моего друга) сам врач, хирург. Во всех районах, прилегающих к Николаевску-на-Амуре, имя его хорошо известно, не одному человеку жизнь спас, а здоровье вернул за долгие годы своей медицинской практики, тысячам. Личность он, разносторонних дарований: и дом его, своеобразный краеведческий музей, и кабинет его в этом доме, кино-фотолаборатория, оснащенная великолепной аппаратурой (он лауреат многих конкурсов любительских кинофильмов). «Покажи мое письмо кому следует, – настаивает мой друг, – не за себя прощу, за нас всех!

Прекращайте этот балаган, это средневековое всесоюзное радение... Стыдно! Кости шаманов амурских гремят от стыдобухи в своих песчаных могилах, и их ремесло порочится, не только наше с тобой, эскулапово!»

В 1963 году я, тогда ещё начинающий психиатр-психотерапевт, поступил учиться на кафедру психотерапии Центрального Ордена Ленина института усовершенствования врачей (ЦОЛИУВ) в качестве клинического ординатора и одновременно в заочную аспирантуру на кафедре диалектического материализма философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Вот по совету выдающегося советского психотерапевта Владимира Евгеньевича Рожнова (тогда и ныне заведующего кафедрой психотерапии ЦОЛИУВ-а) я и начал тогда собирать «архив Григория Распутина». Завел на него, значит, «дело».

Письмо А. Журавлева явилось для меня толчком для принятия решения – «пора!»

Пора написать акафист Григорию Распутину. Великому, непревзойденному **нетрадиционному**... духовнику.

Г. Е. Распутин

(Все фотографии, представленные в книге, кроме фотографий А. В. Колчака, из архива княгини Марии Алексеевны Ухтомской-Новых (Новокрещенивой)).

1. Разговор, подслушанный филёром Борисом Яковлевым, летом 1903 года за дверь спальни Константина Петровича Победоносцева, обер-прокурора Синода

Еще твердый, но уже с явными старческими нотами голос Константина Петровича: «Александру я понимаю. Царина женщина правильная, России нужен наследник престола. От четырех девчонок впадешь в отчаяние. Она постоянно чувствует себя беременной мальчиком. „Алексей, сыночек!“, – не сходит с её уст. Ах-мы... И что только не перепробовали... лейб-акушер придворный хмурится, зачем везли в Париж к этому колбаснику Низьяру Вашолоу, зачем его здесь, в Петербурге одаривали и деньгами и чинами, только позор на всю Европу, мнимая беременность Александры Федоровны. Шенк этот, из Вены магнетизёр, ну чем он лучше Оськи Фельдмана, Опять же деньги, опять же слухи...»

Приятный, совсем юный голос супруги Победоносцева: «Замысел, может быть и хорош. Да, императрица внушаема и истерична. Но каков должен быть этот спектакль в саратовских луговинах? Сколько людей должно участвовать?! Если бы жив был Дмитрий Сергеевич...»

«Да, нынешний министр внутренних дел не масштаба Сипягина...»

«Да и Николай II не твой Александр-император».

(Обер-прокурор Синода был человек талантливый в своей области, имел научные труды, которые высоко ценили в Европе, но самое главное, Константин Петрович имел безграничное влияние на Александра III и собственно определял его политику последних 3 лет, сейчас он был готов на любую авантюру, чтобы восстановить свое, заметно пошатнувшееся положение при дворе Николая II.)

«Одними филерами здесь не обойтись, от Петергофа до Арзамаса дорога длинная, а ведь вся должна быть заполнена... ха-ха... жаждущими исцелиться, придется вывозить из богаделен...»

«Ловко придумано, чья идея?»

«А кто знает? Не впервой вывозить сырых и убогих, привезешь, поставишь или посадишь на землю, и ждет горемычный, пока не заберут обратно и позу-то в какой оставишь, не меняет, все бубнит – „чудо!“, „чудо!“ или – „подайте Христа ради!“. Для Саратовского чуда нужно побольше калек безруких-безногих и всяких исковерканных подобрать, для общего колорита. А паралитиками, слепыми, глухонемыми и бабами бесплодными филеры наши, петербургские, будут. Феофан обещал с десятков смысленных ребятишек подкинуть, выздоравливающие на глазах детки – это впечатляет!»

«Народу может оказаться больше, чем вы думаете, валом повалят из ближайших сел... Помнишь, родной, как тогда, в Казани?»

«Это только кажется, что сами повалили, прослышав про чудотворца-лекаря... Ты недооцениваешь роли кликуш, организовавших это паломничество, они ведь все на службе в жандармском управлении!»

«Ну, так уж все?»

«Все, голубушка, все!»

«Что, и Николай в этом спектакле будет участвовать?»

«А что ему остается? Наследник нужен престолу, не Михаилу же отдавать корону? Гроб понесет с останками Серафима».

«Пошто так далеко? Можно было бы и в окрестностях столицы устроить действо?»

«Мизансцена нужна соответствующая, степь-ковыль, луна-полынь, а самое главное – озеро, поросшее камышом, Серафим похоронен в Сарово. Все остальное разыскали ближе к Саратову. Александру ночью повезут из Арзамаса в сторону Саратова и как бы случайно обнаружат озеро, где в полнолуние она и будет купаться... Несколько верст Николаю придется тащить гроб со святыми мощами на себе, несчастный!»

«Тряхнете казну!»

«Цель оправдывает средства, как говорили при дворе Катерины Великой.»

«Владыка освятит?»

«Сотня его агентов уже на месте.»

(30 июля Александра Федоровна приняла купель в степном озере в полнолуние, как раз на полпути от Арзамаса к Саратову. 3 месяца она неистово молилась и делала добро. Затем зачала. 30 июля 1904 года она родила цесаревича и нарекла его Алексеем. Серафим Сарский был канонизирован. «Исцелившихся» в Арзамаских степях, как писали потом газеты, было несколько тысяч. В тот год население России пополнилось исключительно за счёт ранее бесплодных, рожали даже старухи. Степное озеро, где произошло чудо, вскоре, зарыли. Нашлось оно как раз на распутье почтового тракта от Арзамаса к Саратову и Самаре. В 10 верстах от него была маленькая деревенька, жителей которой так и именовали – Распутины. Отсюда родом была мать нашего главного героя – Пелагея. Но об этом дальше).

2. Из архива тибетского врача Джамсарана Бадмаева: записка Илиодора о Распутине (подлинник этого письма хранится у высокопоставленной особы, близкой ко двору. Она выдаст его только для личного представления)

(Иеромонах Илиодор. В миру Сергей Труфанов, из Донских казаков. Природа наделила его прекрасной внешностью – высок, статен, громадные карие глаза, редкие усы и борода, длинные волнистые волосы захватывал в косичку, плечи имел тяжелые, но покатые огромную физическую силу хранили его буйволородные мышцы, большой, но быстрый и резкий в движениях, в мыслях имел сплав идей христианства и военного коммунизма. В судьбе Григория Распутина сыграл значительную роль).

В начале 1904 года в академии (Петербургской духовной академии – Е.Ч.) заговорили, что в Сибири есть пророк. Звать его Григорий Ефимович Он скоро придет. Особенно ждали его отец Феофан (архимандрит, магистр богословия и инспектор Петербургской духовной академии, владыка – Е.Ч.) и епископ Сергей (ректор Петербургской духовной академии). В мае он прибыл. Остановился у отца Феофана. «В первый раз встретил я Гришу в коридоре академии. Он сказал мне: «Ты круто (хорошо) молишься». Тогда мне Гриша не понравился. Он был некрасивым, грязным мужичком. Я инстинктивно почувствовал к нему отвращение. С этого времени я его не видел. Слышал только, что он с отцом Феофаном бывает

у Милицы Николаевны (великая княгиня – Е.Ч.) и царя с царицей. Я на это не обращал внимания и вообще этими вещами очень мало интересовался.

Через два года я служил на Волыни. Однажды архимандрит Антоний (Храповицкий, епископ волынский – Е.Ч.) говорил про Гришу, что он в Казани ездил к одной женщине, его захватили (купчихе Яблоковой – эта история будет рассказана дальше – Е.Ч.) Этому сообщению я не придавал значения, ибо мало интересовался личностью Гриши. В марте месяце меня погнали из Царицина в Минск, запретили священнослужение (за пропаганду и некоторые попытки реализации его идей – Е.Ч.) В субботу на страстной я приехал к отцу Феофану. Здесь встретил Гришу. Он был чище, одет был в шелк и дорогое сукно. Когда епископ Феофан (Илиодор повышает в сане владыку – Е.Ч.) мой духовный отец, отказался за меня ходатайствовать перед царем, я попросил Гришу. Он охотно согласился, и через день мне из Царского по телефону сказали, что я буду в Царицыне. Говорила Вырубова (Анна Танеева – потомственная дворянка, зловещая фигура при дворе Николая II, нянька царевича Алексея и подружка Александры Федоровны, весила свыше 7 пудов, ходила на двух костылях, но везде попевала первой. С Григорием Распутиным была в «доверительных отношениях» – Е.Ч.) Гриша в этот раз устроил мне свидание с царицей. В этот раз я познакомился и с Лохтиной) генеральша, приближенная Александры Федоровны – Е.Ч.)

Гриша показался мне странным, хитрейшим, скрытным человеком, а Лохтина глубоко верующей женщиной. Вырубову я почитал красивым куском мяса, но почувствовал, что в этом куске сидит здоровый человек себе на уме. Я уехал в Саратов, а потом, когда пришел указ Синода – в Царицын. В начале ноября этого же 1903 года в Царицын приехал владыка Гермоген и с ним Гриша. Гриша везде по городу ездил с владыкой. Народ начал говорить, что владыка ездит с жуликом. Я начал внушать народу, что Гриша великий человек, он благодетель наш, он бывает у царей и т. д. Народ мне верил. Владыка уехал в Саратов, Гриша остался и заставил ездить вместе с ним по моим почитателям. Везде принимали Гришу, как ангела божия. Кланялись ему в ноги. Целовали руки. Называли отец Григорий. Целовали руки и простые люди и образованные. Гриша охотно целовал в каждом доме молодых красивых женщин и девушек, а старых от себя отталкивал. На это никто тогда не обращал внимания. Гриша у меня исповедовался. Грехов не говорил, хотя я спрашивал, а только сказал: «Что я буду делать, когда царица меня шугнет от себя». Эта фраза и некоторые другие дали мне понять, что против него около царицы собирается кампания. Он мучился, но мне прямо ничего не говорил. В этот приезд в Царицын он на одной монахини девице радел четыре часа. Об этом я узнал через три-четыре месяца. В конце ноября я с ним поехал в село Покровское – его родину. Ехали в первом классе. За всю дорогу он меня ничем не удивил, хотя со всей тщательностью хотел увидеть в нем что-либо чудесное, выдающееся. Говорил все больше о женщинах. Мне сказал: «Ты – счастливый, под тебя ляжет любая из тех, которые за тобою бегают».

Я от этих слов очень смутился и усомнился в праведности Гриши.

Дорогой он мне говорил о царе с царицей, о наследнике, о великих княжнах, говорил он следующее: «Царь меня считает Христом. Царь, царица мне в ноги кланяются, на колени предо мною становились, руки целовали. Царица клалась, что если от Гриши все отшатнутся, она не поколеблется, но вечно будет считать его своим другом. Я царицу на руках носил. Давил прижимал, целовал... Все дети на мне верхом ездили». И многое другое не так важное.

Слушая все это, я пред Гришей благоговел. Приехали в Покровское.

Я начал проверять жизнь Гриши. Гриша живет богато, имеет прекрасный дом. В доме дорогие ковры, иконы, портреты и разные вещи-подарки царских особ. Гриша роскошно одевается. Мужики считают его за ничто, священники его ругают и меня после называли мошенником за то, что я с ним связался. Архиерей тобольский был против него, Все счи-

тали его жуликом, хлыстом большим распутником и дураком. Я недоумеваю, соблазняясь, но разочаровываться не хотел. Мне больно стало. В доме у него жили две подозрительные девки. Один раз они хотели лечь со мною в одной комнате, но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел сделать меня хлыстом (хлысты – секта духовных христиан, вышедшая из православия. Верят в воплощение святого духа в живых людях – «христах», «богородицах», отвергают духовенство и многие обряды. На радениях доводят себя, до экстаза, галлюцинаций – Е.Ч.), связать меня хотел... Гриша в это время мне много рассказывал про то, как он с Вырубовой и другими женщинами ходил в баню, что у него не действует детородный член, что он бесстрастный, как он радел с Вишняковой, нянькой царских детей, Ленкой и другими, как они в келье отца Макария, в Верхотурье, голыми ногами обнимали его голову, руки, ноги, как он вместе с ними спал, как Вишнякова рвала на себе волосы из-за того, что ей не пришлось лежать бок-о-бок с Гришей и т. д.

Я слушал и соблазняясь и думал: «Вот так святой».

Гриша спрашивая меня: «Ну, что, как соблазняешься?»

«Да, – отвечал я, – считаю эти поступки в высшей степени странными. Я никогда этого допустить не могу».

Гриша от этого смущался и на время уходил в себя, задумывался, умолкая. В это время он просил денег у Милицы и Анастасии Николаевны, но они отказали. Гриша говорил, что потому отказали, что от Милицы Николаевны отбил доктора Вельяминова. Гриша показал мне целый узел писем к нему царицы, великих княжон, Анастасии и Милицы Николаевны. Я попросил у него письмо царицы и по одному великих княжон. Гриша дал. Эти письма сейчас хранятся у меня в Царицыне. Письмо царицы в высшей степени страшное. Почти любовное.

Уехал от Гриши я и думал: «Он не святой. Он злой, самолюбивый, своекорыстный, тщеславный, любит хорошо одеваться, богу не молится, с женщинами свободно обращается и безобразничает. Привозил меня к себе, чтобы соседи лучше на него смотрели, раз он с порядочными людьми знается. Для этой цели он затягивал к себе и епископа Феофана и дам высшего света».

Я уехал от Гриши весьма поколебленный в его достоинствах.

В январе 1910 года его начали травить в газетах. Писали на него весьма срамные вещи. Епископ Феофан через отца Вениамина (иеромонах, доцент духовной академии – Е.Ч.) просил меня бросить Гришу, но я его защищал. Газетам не верил, ибо Гриша мне писал, что на него епископ Феофан и отец Вениамин клеветают от зависти, что он ближе их стоит к царю. Я верил Грише и распинался за него.

Мне за него досталось от Столыпина. Вскоре я узнал про радения Гриши с монахиней. Я почувствовал к нему отвращение, перестал защищать его, но не отталкивал от себя, так как боялся, ибо он был в силе у царя, и к тому времени и Феофан пострадал через Гришу. Его, как говорил Гриша, царица выгнала от себя, когда он начал говорить про Гришу неподобающее, и вскоре его перевели в Тавриду. Гриша очень злился на Феофана, писал ему и говорил всегда: «Я ему покажу».

Я же думал: «Разве святому можно так злобиться?»

Когда шум газетный утих, в мае 1910 года я приехал в Питер. Приехал и Гриша. В доме Танеева (отца Вырубовой – Е.Ч.) я видел следующее: Гриша разговаривал с Вырубовой, все время гладил ее груди, потом Вырובה поклонилась ему до земли, много раз поцеловалась с ним, поцеловала его руки и ушла. Гриша сказал мне: «Видел» и прибавил: «Ну, вот так и цари ко мне относятся, да еще похлеще, и кланяются, и руки целуют».

Гриша не договорил. Вообще Гриша очень осторожно открывал картину отношений; к нему царей. Но я понимал, что в этих отношениях есть много таинственного. В марте 1911 г. уехал Гриш на Афон или Иерусалим отмаливать свои какие-то тяжкие грехи. Около этого времени меня погнали в Новосиль. Потом я остался в Царицыне. Здесь Гриша мне

нисколько не помог, хотя Лохтина к другие последовательницы Гриши старались доказать, что милость царицы ко мне – дело Гриши. Вообще ученицы Гриши старались поддерживать его авторитет. В июле 1911 г. Гриша приехал в Царицын. Народ за ним уже не бегал и от него отшатнулся. Карточку его отрезали от меня и от владыки. Гриша огорчился и на меня. Гриша выхлопотал на Саровское паломничество (начавшееся, как выше стало известно, в июле 1903 года – Е.Ч.). Он заставил меня торжественно с народом проводить его из Царицына и поднести ему дорогой подарок и цветы. Я все это сделал, ибо боялся Гриши. Гриша уехал. По пути заехал к владыке (Гермогену – Е.Ч.). Владыка принял его холодно. Выказал свой взгляд на него. Гриша был удручен, вообще он дорожил дружбою с нами и этою дружбою прикрывался при дворе.

В декабре 1911 года я приехал в Питер к владыке, приехал из Ялты и Гриша. Из Москвы он прислал телеграмму заискивающего характера. Мне сказали, что ходят в свете слухи, что Гриша живет с царицей. Эти слухи подтвердил и Митя (Юродивый Митя Козельский – Е.Ч.). Я возмутился и сказал: «Я его больше всех защищал, я его и погублю».

Я отвез Гришу к владыке. Владыка заклинал Гришу не ходить без его и моего благословения в царский дом. Митя начал браниться и хватать его за член, Гриша обещался с клятвою перед иконою с мощами не ходить к царям. Свидетели этому я и Ив. Ал. Родионов (сотрудник «Нового времени» – Е.Ч.). Об Орлове (генерал Александр Афиногенович Орлов – приближенный Александры Федоровны – Е.Ч.) никто не упоминал, о наследнике тоже. Гриша испугался, и его отпустили. Он пожаловался в Ялту. Говорил: «Митю нужно прибрать, а владыке достанется за то, что он так про царицу говорил, будто ока живет со мной».

Я почувствовал, что дело плохо кончится. Недаром я настаивал после заклатья не упускать Гришу, а правде убедить царей, что Гриша не Христос и не праведник, а подлец и развратник.

Владыка меня не послушал и сказал: «Запрещаю вам иметь дело с Гришей, если будете с ним возиться, я отказываюсь от вас, живите с ним». При этом владыка плюнул.

Я сказал: «Владыка, я повинуюсь, но вам и мне придется из-за Гришки пострадать». И пострадали...

Саблер (обер-прокурор Синода) и Даманский (помощник Саблера – Е.Ч.) ставленники Гришки. Гришка говорил, что Саблер поклонился ему в ноги за то, что, он сделал его обер-прокурором. Епископ Варнава ставленник Гришки. Варнава 21 января выезжал в Царское Село.

Мое мнение о Гришке таково: «Он хлыст, развратник, неисправный, его нужно удалить от царей и наказать за то, что, будучи развратником, он так нагло считал себя праведником и лез к царям. Если Гришка не будет теперь удален и запрятан, то царский престол опрокинется, а Россия погибнет».

Это написал иеромонах Илиодор 25 января 1912 г.

У него же находим: «У Гришки есть жена. Женщина она добрая, но скрывает, ради корысти, шалости Гришки. Священник из села говорил мне что она много раз вытаскивала за косы из своего дома девок, с которыми жил Гришка. Он же от этого упорно отказывался, говоря, что этого ничего не было».

У Гришки трое детей: Матрена-16 лет, Митя-... (здесь какая-то описка в подлиннике – Е.В.) лет, Варя-12 лет. Митя мальчик блудливый, развратный, сквернослов. Матрена-девочка наглая, отвратительная, учится в Питере в институте, учится музыке и танцам.

Григорий, по словам односельчан, жил сначала бедно, и все считали его дураком. Сам он о себе говорил: «Я был пьяница, табакур, потом покаялся, и вот видишь, что из этого вышло».

Григорий Распутин и Илиодор.

3. Биография Григория Ефимовича Распутина рассказанная им самим нижегородскому мужику Геннадию Ивановичу Шевелёву 26 января 1913 года

(Желающих проверить истинность автобиографических данных Г.Е.Распутина отсылаем к книге Илиодора «Святой черт», к обширным дневникам одной из первых петербургских поклонниц Распутина О. В. Лохтиной, а также к воспоминаниям о нем его верной подруги А. А. Вырубовой (Издательство «Земля и фабрика», 1923, 1924 гг.) и к запискам, председателя 3 и 4 Государственной Думы, председателя временного комитета Государственной Думы в 1917 г. М. В. Родзянко, выпущенным в свет под заглавием «Крушение империи»).

...Достигнув возраста Христа, Григорий Ефимович почувствовал, что в него вошел дух пророка Серафима Сарского – последнего покровителя Романовых, скончавшегося сразу после казни мятежников 25 года в своей Саровской обители. Тогда Распутин пошел в столицу и прибыл туда в день рождения цесаревича Алексея, ибо знал, что должен постоянно находиться при нем. Александра Федоровна узнала Григория Ефимовича. Она видела его во сне, ночуя у могилы Саровского чудотворца...

...Родители у Григория Ефимовича были староверами, жили семьями в небольшом селении Саратовской губернии на почтовом тракте у развилки (распутья) от Арзамаса к Самаре и Саратову и приходились друг другу двоюродными братом и сестрой. Старая вера запрещала браки со стороны. По линии отца Ефима, все были Развилкины, или просто Вилкины (но не от слова «вилка», на этом Григорий Ефимович настаивал). По линии матери, Пелагеи, Распутины (что, собственно, тоже самое, что и Развилкины, но для того лишь, чтобы как-то разделять находившиеся в кровном родстве семьи). «Семейские» по-прежнему плевались при слове «Никои», называли этого патриарха Никитка, считали, что ведут свой род от Аввакума Петрова Огненного. В каждой семье свято хранилась какая-нибудь вещичка Аввакума. Так, у Развилкиных – ложка, у Распутиных – кружка. Раз в три года ходили в Пустозерск, где последние 15 лет прожил в землянке Аввакум и где он был сожжен по указу царицы Софьи.

Из царей старообрядцы почитали Петра Великого за то, что он сверг свою сестричку Софью и заточил ее в Новодевичий монастырь и за то, что znalся с раскольниками. А также Александра III, который, якобы тайно был поповцем (раскольником – Е. Ч.) и подготовил указ о прекращении преследования старообрядцев. Николай II получил этот указ готовым и лишь утвердил его в 1906 году.

Детей в семьях раскольников рождалось много, делали это сознательно, несмотря на то, что постоянно были в великой нужде и в страдании по причине своей веры. От кровосмешения рождалось много больных детей-«выродков», которые и умирали, не достигнув 15 лет по слабости легких или от заворота кишок. Но рождались и юродивые, и «христы» с «богородицами» (здесь автобиограф, по нашему мнению, умышленно отождествляет хлыстов с их верой в земных «христосов» и «богородиц» со старообрядцами, на самом же деле хлысты отделились на сто лет позже раскольников, как секта и ничего общего с ними не имеют – Е. Ч.). В семье Григория Ефимовича Лавруша, старший сын был «выродком» и умер, действительно не дожив до 15 лет, правда, уже в Сибири простудившись. Сестричка Григория Ефимовича Марьюшка страдала падучей и утонула в проруби во время припадка («юродивые» часто страдали «падучей» – Е. Ч.). Григорий Ефимович познал в себе великое

призвание спасти и миловать наследника русского престола, достигнув божественного возраста.

Когда готовилось послабление по отношению к старообрядцам «наверху» (указ Александра III – Е. Ч.), «внизу», на местах, преследование их ужесточилось. Владыки и исправники злобствовали усердно. Семья Григория Ефимовича вынуждена была подняться с благодатных саратовских земель и двинуться крестным путем Аввакума в сторону Тобольска. Шли вдоль рек. Путь был тяжок, но староверы народ крепкий и духом и телом, все выдюживали. Прошли реку Тагил, повернули на восток, туда, где Ермак воевал. Остановились недалеко от Тюмени (раскольники всегда селились на окраинах деревень и городов – Е. Ч.). Срубили церковь Пресвятой богородицы – Покровскую. Так возникло село Покровское, близ Тюмени (с семьей Григория Ефимовича приехали и другие семьи). Местные жители, как полагается, сторонились поселенцев, относились к ним настороженно. Последние в свою очередь также в дружбу к местным жителям не лезли. Староверов-переселенцев из центральных районов России на Урале и в Сибири издавна называли «Новые» или «Новокрещеновы» (от появления вместе с ними новых церквей, и новых крестов на погостах – Е.Ч.)...

...Впоследствии, когда Григорию Ефимовичу пришлось выбирать себе фамилию, между «Вилкиным» и «Распутиным», он выбрал фамилию матери (ну, какой я «вилкин», – сказал он исправнику, – скорее «топорков» или «штопорков»), но так и остался «Новых», по прозвищу.

Как все староверы, отец Григория Ефимовича был человеком трудолюбивым, упорным в работе и грамотным (иначе не выживешь!). Вскоре, в Покровском он стал церковным старостой, а затем и волостным старшиной. Дом у него был самый богатый в округе. Держался он независимо, осознавая свою правоту и духовную силу. Как грамотному, к нему вынуждены были постоянно обращаться местные жители. Хорошо знали его во всей губернии. За эту независимость и самостоятельность и еще за то, что вина не пил и табак не курил, невзлюбили его местные мужики. Как-то мужики собрались, хорошенько выпивши, и большой толпой ворвались в избу Ефима, избивали его до полусмерти, переломав хребет и ребра. От побоев отец Григория Ефимовича вскоре скончался. «Пострадал за веру», так сказал о нем Распутин...

...Гриша рос мальчиком любознательным, но недоверчивым, склонным с раннего детства ко всяким наблюдениям и думам. Тянулся к таинственному, хотел хорошо понимать людей и животных. Часто, задумавшись, мог замирать в одной позе надолго. Людей это пугало, особенно, если он ничего не говоря, впивался в них своими черными, пронзительными, как буравчики, глазами: «А я в то время думал, все думал», – пояснял Распутин. Родители относились к нему со вниманием и всячески поощряли гришино духовное развитие. Мальчик мог месяцами не выходить из избы, а затем, внезапно появляться там, где люди собирались, будь то церковь, трактир или лечебница. С большим уважением относился с детства Гриша к врачам.

В молодость Гриши лекарей в России было не много, один на 2—3 уезда. А лечебниц в Сибири, одна на 100—300 верст в округе, ибо тогда «вопрос о пользе врачей оставался спорным». Крестьяне со всеми недугами и травмами шли в церкви или монастыри, но чаще к бабкам и знахарям.

Таковых в Российских деревнях было предостаточно, лечили настоями, порошками и заговорами. Гриша ходил ко всем в своей округе, зайдет в избу, встанет на пороге и молча наблюдает за лечением. Его все знали и на его появление не реагировали. Гриша никогда никого ни о чем не спрашивал, наблюдал и вникал.

После смерти отца Григорию самому пришлось зарабатывать себе на пропитание. Он пошел в Тюмень и устроился в больницу санитаром. С работой справлялся легко. Врачи полюбили расторопного и грамотного парня и вскоре поручали ему несложные лечебные

манипуляции. Вечерами же все собирались и говорили на запрещенные политические темы (среди лекарей Сибири в то время было много политических сильных). Гриша как всегда молчал, слушал, вникал. Когда освоился и смог уже сам заменить любого врача, ушел из лечебницы дальше, вглубь Сибири все той же дорогой Аввакума. Всю Сибирь-матушку протопал ногами. Добрался аж за море-Байкал до бурятских земель. Долго бродил и в горах Акатуя. Никакой работой не гнушался. Многому научился. В том числе вино и водку пить и травку нюхать, ибо народ в Сибири был «серьезный». От старообрядства отошел. Некоторое время пробовал себя в тибет-ламаизме (отсюда его такое глубокое понимание Бадмаева – Е.Ч.). Появились наития, что предназначен для Новой религии. Но умом понимал, что для этого «нужно и Новое царство». В 20 лет стал много думать о крестьянском государстве и как его организовать в Сибири, где и земель много, и народ труженик, крепостничества не знал, и от проклятой Европы далеко. Именно из-за этих своих «политических» идей «круто поспорился» с Сибирскими семейскими, его сильно избили, «по свойски». Лоб раскроили. Около месяца был бессознания, выходила одна молодая бурятка.

Жену выбрал из тобольских мещан Серихиных и с ней вернулся в Покровское.

К этому времени (1902—1903 гг., Григорий Ефимович называет оба года) Покровское превратилось в уездный центр, включив в себя и те деревни, из которых мужиками был убит Ефим Вилкин. Распутину встретили недружелюбно, частью, очевидно, потому, что знали за собой вину, ибо были живы еще убийцы его отца. Частью же по причине самого Григория Ефимовича. Вернее, из-за его, бросающейся в глаза, внешности: громадный, жилистый, заросший, с тяжелым взглядом, посмотрит, как припечатает. Распутин знал эти свои особенности, и в губернии не затерялся бы, не то, что в уезде. А в волости-то прямо у всех сразу оказывался на виду! На второй день его возвращения в Покровское с ним долго говорил урядник Владимир Николаевич Прокудин, который спасал Ефима Вилкина от мужицких батагов и кулаков. И он рассказал Григорию Ефимовичу прескверную историю, которую успели сочинить о нем покровские мужики: и убивец он, и развратник, и в конокрадах ходил, и жену из веселых домов взял. Но самое интересное, что познался Григорий с нечистой силой, колдует, ворожит и черный глаз имеет. Были и приятные моменты, молодухи покровска в ночь появления в селе Распутина не могли спать, ибо чувствовали в своем теле сладкое и бодрое томление. Распутин молча выслушал урядника, а в ответ неожиданно рассказал ему вот такую байку...

Рассказ Григория Распутина о паршивой суке, умевшей крутить, хвосты породистым кобелям

Из домов и дворов стали исчезать породистые кобели, разные. Исчезать на неделю-другую, возвращаясь худыми и изодранными, с потухшими глазами, забивались в угол и долго себя никак не показывая. Хозяева тоже не могли понять, в чем же тут дело? Что со псами случилось? И случатся отказывались... Породистых сук, своей, собственной породы, к себе не подпускали. Собрались, да, хозяева и подкараулили ночью. И увидели такую картину, как только луна осветит улицы, как появляется на них маленькая паршивая сучонка-дворняжка. Прибежит, встанет у подворотни и стоит, значит, ждет. Не лает, не скулит и хвостом даже не виляет. Просто стоит, как ни в чем не бывало. С кобелем же начинает происходить беспокойство, сначала закружится на месте и норовит укунить себя за хвост, как при чумке, затем одним рывком обрывает цепь, или вышибает дверь, останавливается и замирает какое-то время, жадно втягивая в себя воздух. После чего весело встряхивается и спокойно бежит к сучке. Та же не подпускает его к себе, а поворачивается и бежит не оглядываясь. Кобель же, будь он хоть втрое больше и сильнее ее, семенит ей вслед, придерживая себя, она его так всю дорогу к себе не подпускает, держит, значит, каким-то странным не понятным образом, на дистанции.

Хозяева не выдержали такого ущерба от этой сучки, поймали ее и отвезли к лекарю, реши, в чем ее сила? Кстати, произошло это не сразу, а три срока могла бы сучка ощениться, но приплода она ни разу не принесла, лекарь дал ей понюхать хлороформ, а затем вскрыл ее половые органы, высушил их, затем и стал в уезде самым счастливым мужчиной.

...«Ну и в чем смысл?», – этот вопрос задали и урядник села Покровское и я, Геннадий Иванович, Григорию Ефимовичу. «В половых органах «Святой черт» – ответил он еще раз.

«Я сам себе предок и сам себе нация», – говорил Иисус Христос, но эти слова его никто, до меня, Григория Распутина, не услышал. Я услышал его и узнал свое предназначенье. До этого тяжело было...

...Жизнь Григория Ефимовича всегда была трудной. Не нашел он успокоения и в родном Покровском. Сразу став в центре слухов, всякого рода разнотолков, он лелеял себя только тем, что периодически слушал свой внутренний голос, Христос рождается. А в округе вот что происходило. Детки стали рождаться мертвыми и недоношенными. Куры перестали класть яйца, несли же исключительно гусиные и без желтка. Многие красивые молодые женщины и девки стали покрываться коростами и терять волосы, а лылые мужики, отращивать шевелюры. Исчезли седые старики, ибо волосы их стали яркорыжими, как у дьякона в соседнем уезде, который пил без пересыху. В нескольких избах вещи поднимались со своих мест и уходили в двери и окна, собаки потеряли голос, а кошки стали задумчивыми.

Конечно, все это прямо связывали с черным глазом Распутина. Зазывали его в кабак, поили, чтобы рассказал о своих чарах или угомонился, да он пил и отмалчивался. Про себя думал, – дабы добро ко мне липло, а то все зло людское и горе. Но в себе не переставал сомневаться. Детки, однако, подрастали, и о них нужно было думать. религией было туго, искал. Много размышлял о древних иудеях, о которых слышал рассказы в Сибири. И лечили они, и просвещали. Ловко, суровые, действовали! Облегчая телесные страдания, делали человека от себя зависимым. Просвещали, закабаляли его духовно. Иллюминистов (просветителей, подготовивших Великую Французскую революцию – Вольтер, Руссо, Дидро, Даламбер, Монтескье и др. – Е.Ч.) ненавидел лютой ненавистью, обман большой не только Европе, но всем народам учинили.

В Покровском так и сочли – Распутин черт. В странствиях своих познался с нечистой силой. А сам Григорий Ефимович думал – святой я, пойду в старцы, пойду по святым местам и наследника спасу. «Святой черт» – это Распутин сам подсказал монаху Илиодору...

...В 1911 году, когда посетил он Киево-Печерскую лавру и другие святыя места, а было это его внутренней, духовной потребностью, он написал «письма к царям» и озаглавил: «Григорий Распутин. Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам». Вот что было там.

Я прибыл в святую лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в лавре свет светит тишины (не свет, но покой – основное в мировоззрении дохристианской Руси – Е.Ч.). Когда опускает мать божию, и пение раздается «Под твою милость прибегаем», то замирает душа, и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту, нет ни золота, ни серебра, дышит одна тишина, и почивают угодники божи в простоте без серебряных раков, только простые дубовые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнетет и гнет и ведет в скуку. Поневоле помянешь о суете жизни.

Горе мятущимся и несть конца.

Господи, избавь меня от друзей, и бес ничто. Бес в друге, а друг – суета.

И увидел пещеры дивные, чудеса чудес. Как их бог благословил, как же нам не верить, поневоле вздохнешь. Они в диком камне, сама рука божия творила их, и укрывались там иноки от нашествия инородцев.

Тяжелые воспоминания о мучителях иноплеменниках, но в настоящее время большее мучение, брат на брата и как не познают своя своих. Поэтому и мучения более тяжелые. Обида берет. Потому я уверен, что венцы будут ближе к лицу божию от этих мучителей в настоящее время. Тех мучили инородцы, а теперь сами себя, наипаче батьки-батьков, моиахи-монахов, и вот слово божие на нас, брат на брата и сын на отца, конец приближается.

И увидел Иова в пещерах Печерских, где его конурочка тесная-претесная, и несет ароматом благоухания.

И за что несет. Очень просто, за то, что не избрал себе чертог, а возлег в яслях убогих и терпеливо и покойно перенес свою тесноту, а нам хоть бы в простоте и в роскоши перенестись духом в его тесную конурочку и попросит его молитв, и господи не откажет его святым молитвам, и мы будем участниками с ним одесную отца, а высказать о его терпении невозможно, сами книги не вместят...

Продолжение рассказа Г. Е. Распутина нижегородскому мужику Г. И. Шевелеву в Почаевской лавре. (Из «Писем к царям»)

Дивная Почаевская лавра. Что меня удивило? Во-первых, увидел я людей божиих и возрадовался богомольцам очень, что нашел я истинных поклонников, тут явился страх в душе, и наука искания бога, как они собирают жемчуг истинный, а потом увидел и мать Божию, и объял меня страх и трепет, и получил тишину и заметил в себе кротость. После всякой святыни прибавляется дорогой жемчуг смирения.

И вот я вступил в собор, и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса! Где сама мать божия ступила своим следом, там истекает источник сквозь каменную скалу вниз пещеры и там все берут воду с верой, и нельзя, чтобы не поверить.

О, какие мы счастливые русские люди и не ценим и не знаем цены чудесам! Горе православным христианам, что мы не хотим их посмотреть, и лень съездить, а едем за границу смотреть разные горы, но ведь мы смотрим на них, как на роскошь, а не как на божие создание...

...И еще рассказал мне Григорий Ефимович о своем казанском чуде.

Первый на фото подросток – Антон Новых – племянник Григория Распутина, конокрад, милостью Николая II – граф Новокрещенев, муж княгини Марии Алексеевны Ухтомской.

4. Рассказ о лысой купчихе Яблоковой или Казанское чудо

Шестнадцатилетней отдали свою дочь богатые купцы Казанские Уральскому заводчику Вениамину Перетягину в жены. Это был с обеих сторон удачный брак и свадьба была знатная. Долго люди ее помнили. Речь идет о купчихе Яблоковой, которая в одну ночь потеряла все свои волосы, когда собственные рабочие бросили Вениамина (Веньку) в доменную печь с расплавленным чугуном. Детей у них еще не было, а родители Яблоковы уже умерли своею смертью. Вернулась она с Урала в Казань и зажила несчастно и уединенно, и горе свое, и стыд свой – безволосая! – от людей пряча. Редко выезжала со своим старым и глухонемым кучером за город на лошадах.

Случилось это в апреле 1904 года, в яркий, веселый и по-летнему жаркий день, лошади понесли подгору. Могли разбиться в дребезги. Но на их пути оказался Григорий Ефимович Распутин, потный и задумчивый, он шел пешком за чем-то в Казань. Шел, ничего не видя вокруг, глядя себе под ноги. Грохот коляски Яблоковой даже не услышал. Лошади домчали до него, но не сшибли, а остановились перед ним, как вкопанные. Только тогда Распутин поднял глаза и сказал – «Вот и прикатили, родимые!». Распряг их, а затем, как надо, запряг вновь. Яблокову же приласкал словами: «Пужаться не надо. Надо радоваться. Вот и встретились!».

Благодарности не было конца со стороны купчихи, но и стыда, – ведь лысая, молодуха! – тоже много было. Что делать? Деньги Григорий Ефимович отвел сразу твердой рукой: «Не обижай, значит». А на чай напросился. Делать нечего, поехали вместе в дом Яблоковой. Там все она ему и рассказала в слезах. Он же взял и погладил ее, гладкую как колесо голову своей огромной и теплой ладонью – «Это поправимо. И не то бывает, а лучше становится». Было это вечером. Наутро же следующее вся волосистая часть головы покрылась густыми, нежными, как лебединый пух русыми локонами. Заволосила купчиха! Утром же, Григорий Ефимович, покушав чаю, пошел со двора. Народная молва, кто ведает ее законы и силу? В ста верстах в округе узнали об этом казанском чуде, и пошли догонять Распутину. А он шел, не останавливаясь и не оглядываясь, только мимоходом прикасался к несчастным, сплошным рядом стоящим от Казани до Петербурга.

К одному прикоснется – боль в зубах пройдет. К другому – экзема мокрая вмиг исчезнет. Бородавки отпрыгивали от кожи от одного взгляда Григория Ефимовича и рубцы от страшных ран исчезали. Прозревали, обретали голос, теряли лишни вес и беременели на ходу, страждущие. Император Николай II и императрица Александра Федоровна прослышали о казанском чудотворце. Правда, имя его узнали не сразу, а от Феофана...

Продолжение мыслей Г. Е. Распутина из «Писем к Царям» 1911 г.

«Краткое описание моря»

Что могу сказать о своей тишине? Как только отправился из Одессы по Черному морю – тишина на море, и душа с морем ликует и спит тишиной; видно, блистают маленькие валочки как златница, и нечего более искать.

Вот пример божий, насколько душа человека драгоценна, разве она не жемчужина? что и море для нее?

Безо всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь, волны говорят, и плещут, и радуют. И солнце на море блистает, словно тихо-тихо поднимается, и в то же время душа человека забывает все человечество и смотрит на блеск солнца, и радость у человека возгорается, и в душе ощущается книга жизни и премудрость жизни, неопишуемая красота! Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе, безо всякого усилия.

Море пространно, а ум еще более пространен. Человеческой премудрости нет конца, неместима всем философам.

Еще величайшая красота, когда солнце падает на море и закатывается, и лучи его сияют. Кто может оценить светозарные лучи, они греют и ласкают душу и целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах... Смеркается.

О, какая становится тишина... Нет даже звука птицы, и от раздумья человек начинает ходить по палубе и невольно вспоминает детство и всю суету и сравнивает ту свою тишину с суетным миром и тихо беседует с собой и желает с кем-нибудь отвести скуку, нагнанную на него от его врагов...

Тихая ночь на море, и заснем спокойно от разного раздумья, от глубоких впечатлений... Христово море. На тебе дивные чудеса. Самим богом посещено и чудесам сотворено.

Виднеются берега, и блистают деревца, как не порадоваться? Где не видно было ни кустика и ни листочка, там вдруг виднеются берега, и подъезжаем и смотрим на природу божью и хвалим господу за его создание и красоту природы, которую не описать человеческим умом и философией...

(В Камероновой галерее Царского села в креслах уютно расположилась вся семья Романовых – Николай II, Александра Федоровна, их дети – Ольга, Анастасия, младшая, сидели рядом с отцом, Татьяна и Мария – ближе к матери, на руках которой находился 8-летний Алеша, из чужих была только фрейлин Вырубова, в кресле, несколько поодаль. Распутин восседал на высоком жестком кресле и в свете оплывших свечей монотонным голосом читал свое «Краткое описание моря». Все были расслаблены, умиротворенны, благоговейно молчали, лишь маленький Алешенька периодически шептал на ухо матери – «мамочка, как пахнет морем... слышишь как шумят волны», – он спал. Вырубова мотала головой в дреме, видимо представляла себя большой голубой волной, император посапывал, как большой океанский пароход, на лицах Ольги и Анастасии сладкая истома, средненькие, Татьяна и Мария не находились во власти распутинских чар, лица их имели лукавое выражение, Марийка едва сдерживала хохот, умиротворенный хохоток, сеанс продолжался...)

...Забилы волны на море – сделалась тревога в душе. Человек потеряет образ сознания, ходит, как в тумане... Боже, дай тишину душевную!

На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна. На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна – бес душу ему смущает.

Совесьть – волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесьть только от доброго дела погаснет. На берегу больше хвораем.

О, какой обман, беда, скажут ей, и взглянут, и увидят... Совесть всем без языка говорит про свой недостаток, всем надо поглядеть на нее, тут никакой грех не утаим и в землю не закопаем. А всякий грех, все равно, что пушечный выстрел – все узнают...

Еще немного о лысой купчихе Яблоковой

...Купчиха была первой пациенткой Григория Ефимовича Распутина. Нужно здесь напомнить, что «пациент» от латинского слова «patient», то есть, «страдание» от этого же слова и «пассия», то есть, возлюбленная. По благодарности за двойное спасение – от понесших ее лошадей, и от безволосия – она возлюбила в Распутине... нет, не маслстого и жилистого мужика, распространяющего от себя на версту специфический запах, а «христоса». Она и первой назвала его «старцем», что в сознании русского человека связано не с возрастом, а со святостью. Старцем Г. Е. Распутин явился и перед голубыми глазами Анны Танеевой-Вырубовой, а затем Александры Федоровны. Но вот что интересно, старшая дочь императора Ольга и самая младшая Анастасия видели в Распутине «своего возлюбленного... друга», далеко до половой зрелости. А Танечка и Машенька – «смешного и вечно растрепанного дядьку Гришу». Но катались на нем верхом-то все четверо. Отношение Алешеньки к Григорию Ефимовичу особенное. Но об этом позже.

Яблокова, как потом неоднократно признавался Распутин, особенно случайным попутчикам, натолкнула его на мысль заниматься исцелением различных болезней. Благо, что он работал санитаром в Тюменской лечебнице. Но по его-то масштабам если лечить, то лечить массово всех, кто желает исцелиться и от всех болезней, с которыми к нему обращаются. Но и перед самой смертью, когда за плечами остались десятки тысяч «излеченных», не переставал наедине с собой недоумевать о глупости людской и доверчивости. Перефразируя известную поговорку, «покажи ему мизинец – он и излечится». Женский пол то он знал, по какой причине идут к нему. Пациентки все больше двух возрастов – в момент, когда бутон вот-вот распухнет и тогда, когда он вот-вот сбросит свои лепестки, завянув. Сколько «лямура» вначале, еще нерастраченного, свежего, горячего и ласкового, как восходящее на юге солнце. Столько же его и в конце, уже нерастраченного, горячего, алчного, как заходящее солнце на юге, сжигающего в своих еще сильных лучах. Г. Е. Распутин постоянно перечитывал записки француза Дидерота (Дени Дидро – французский философ-просветитель, – Е.Ч.). Екатерине II, где он сообщал ей тайны человеческой души: «Во всякой женской душе непременно прячется монахиня, жаждущая падения... Всякая человеческая душа подобна механическому пианино – нужно знать только расположение ее клавиш и уметь на них играть».

Купчиха научила его, собственно, (за одну ночь!) и тому, что от него ничего не требуется, чтобы сильно воздействовать на людей, манипулировать ими. Необходимо только его присутствие. И он вспомнил слова молодой бурятки, излечившей его от тяжелой травмы головы. Она все приговаривала – «Я побуду с тобой рядом и тебе полегчает». И молча тихо сидела около него часами. И вспомнил он одного беглого, повстречавшегося ему за Байкалом – как только тот войдет в кабак, так бутылки с шампанским сами по себе начинают вскрываться. О таких в народе еще говорят – «от тебя молоко киснет». Трофим – звали этого мужика – оправдывался: «Я тут причем когда все, к чему бы я ни прикоснулся, разрушается? И там, где я, там ничего не ладится!»

Отдыхая в этих своих воспоминаниях, Григорий Ефимович вспомнил сейчас, год спустя после гибели его, «самого крепкого мужика столицы». Да что столицы – России, Петра Аркадьевича Столыпина. Вспомнил, как он внутренне робел, когда его сопровождали в кабинет Столыпина, как лихорадочно перебирал в голове, чем удивить, а если удастся, то и смутить Столыпина. Когда же зашел, то сам удивился, что этот сильный, умный и властный человек напрягся и не смог выдержать взгляда Распутина. Если бы он знал, что в душе тогда творилось у Григория Ефимовича, как трусил и мельтешил он в мыслях своих! Да, нужно молчать и присутствовать и люди сами тебе все скажут, что ты захочешь узнать от них, и сами

для тебя все сделают, что ты захочешь, чтобы они сделали. Только не показывай удивления, держи фасон и принимай все без суеты, как должное... Он встретился со Столыпиным незадолго до его гибели. И когда узнал о ней – мелькнула странная мысль – а так и должно было быть, после моей встречи с ним, вскоре! На душе стало так, как будто что-то потустороннее, большое коснулось его. Внутренний голос подтвердил уверенно: «С каждым так будет, кто пойдет против меня... кто заставит меня робеть перед собой».

(П.А.Столыпин – 1862—1911 гг., русский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель совета министров с 1906 года. Определял курс правительства с 1907 по 1911 гг., собирався провести в стране аграрную реформу – получила название столыпинской, в результате которой разрешалось выходить из крестьянской общины на хутора и отруба (закон от 9.11.1906, укрепление Крестьянского банка, принудительное землеустройство (законы от 14.6.1910 и от 29.5.1911) Реформа потерпела неудачу, так как оказывалось сильное сопротивление и со стороны помещиков – землевладельцев и финансовой буржуазии (сверху), и со стороны крестьянства, которое отказывались брать землю в аренду. Убит эсером Д.Г.Богровым.)) Вот как вспоминал эту встречу с Распутиным сам Столыпин: «Распутин бегал по мне своими белесоватыми глазами, произносил загадочные и бессвязные изречения из священного писания, как-то необычно разводил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается неопределимое отвращение к этой гадине... Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он производит на меня какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него! Я сказал ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках, и я могу раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона, в виду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург, вернуться в свое село и больше здесь никогда не появляться...» Да, волновались и суетились оба. Видимо, в чем-то равны были, мужик, опиравшийся на авторитет лишь своей физиономии и государственный, муж, занимавший столь высокие посты. Дворянин и крестьянин, из бывших крепостных... Тут есть о чем подумать!

Прабабушки-прадедушки прорабов перестройки: продолжение акафиста Г. Е. Распутину

Начнем издалека. Тэффи (княгиня Лохвицкая-Бучинская Надежда Александровна, 1876 – 1952 гг. – Е.Ч.), когда Г. Е. Распутин ходил по святым местам и писал свои «письма к царям», сочинила «Бедного Азра». Это стихотворение небольшое и мы приведем его целиком:

«Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленный проходит
Дева, служащая в банке.
Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает-
Взор горящий и недвижимый.
Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба (так называли в столице филеров – Е.Ч.)
А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.
«Кто ты? – молвила, – откройся!
Хочешь – я запламенею
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?»
Отвечал он: «Недосуг мне.
Я агент. Служу в охранке
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке»

(1911 г.)

Это, так сказать, светская хроника столичных времен наших прабабушек и прадедушек. Следующие же мысли Г. Е. Распутина отражают духовную сторону тех давних событий. Ну, а деяния? Готовилось убийство П. А. Столыпина. По инициативе В. И. Ленина была создана Российская организационная комиссия (РОК) которую возглавил Г. К. Орджоникидзе для созыва 6-й (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП.

Из «Краткого описания Константинополя». Мысли Г. Е. Распутина

...В настоящее время, как у греков, все епископы грамотные и боголепие соблюдают и служат, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетою духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше. Без нищеты епископ заплачет, если креста не дадут, а если она есть в нем, то и худая ряса приятна, и за худой рясой пойдет толпа. Этому я очевидец – простите я со многими епископами очень знаком, да спасет их господь за их единение.

...А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому, что в храме духа нет, а буквы много – храм и пуст. А и в настоящее время, когда отец Иоанн (Кронштадский – Е. Ч.) служил, то в храме дух нищеты был, и тысячи шли к нему за пищей духовной.

...И теперь есть, да мало таких служителей, есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в монастыре жир нажили, этим трудно подвизаться, давит их лень. Конечно, у бога все возможно, есть некоторые толстые монахи, которые родились такими, ведь здоровье дар, в некоторых из них тоже есть искра божья, я не про них говорю... (1911 г.)

Путь наверх Г. Е. Распутина – накатанная дорожка, не первый он прошел по ней. Церковь регулярно поставляла высшему обществу и царскому двору своих агентов-чудотворцев, кликуш, юродивых, странников, целителей, старцев, ведунов и лекарей нетрадиционной медицины, вроде тибетского народного врача Дж. Бадмаева (он сам по себе личность интереснейшая и в дальнейшем мы расскажем об этом, тем более, что располагаем не только документами, но и дружбой родственника Бадмаева – Е. Ч.). Владыка Феофан довел до ушей царских слух о чудотворце из Сибири Григории Распутине, сам узнал о нем по донесению агентов из Казани. Конечно, Распутин имея получестололюбивое, полубредовое намерение быть покровителем наследника Русского престола, мог попасть в столицу и другими, неофициальными, так сказать, каналами. Но он шел, подчеркнем, готовым корридором. После Феофана – Анна Вырубова (остальные звенья, на наш взгляд, незначительные, случайные). Здесь не обошлось без вмешательства Святейшего Синода, одного из высших органов государственной власти в России (1721—1917 гг.), который управлял делами православной церкви, в том числе вопросами духовной цензуры и просвещения и вел последовательно борьбу с еретиками и раскольниками. Синод имел в своем распоряжении обширнейшую агентурную сеть по всей стране. Жандармерия – политическая полиция в России (1827—1917 гг.) также имела мощную агентуру. И новое лицо, взятое под опеку высшим сановником Синода не могло долго оставаться без ее внимания. Глядя по лысине купчиху Яблокову, Григорий Ефимович вряд ли догадывался, что и с ним начинает происходить метаморфоза – из вольного странника, раздираемого темными страстями, он превращается в один из маховиков громадной машины, именуемой Царской Российской Империей. И этот маховик заработал в 1904 году. А к 1911 году стало понятно, что он работает в каком-то своем, особом ритме, ритме, способствующему в своем мощном броуновском движении расшатыванию и развалу всей государственной машины.

О Столыпине еще современники говорили, что он сделал все, чтобы подавить революцию 1905—1907 гг., но ничего, чтобы предотвратить грядущие революционные потрясения в России. Тогда, да и сейчас явно недоговаривают, что Столыпину не дали сделать второе. Вокруг Распутина интриговали, да, и смерть его была такая же насильственная, как и смерть Петра Аркадьевича. Но ему никто и ни в чем не мешал! Вернее, не мог помешать, ибо он не был государственным мужем. А у нас привыкли, что на дела государственные могут влиять лишь государственные мужи. Политическая партия – это уже государственный институт.

А член партии, даже если она находится на нелегальном положении, уже государственный функционер, хотя бы по тому, что он политический преступник. Что мог Столыпин против Распутина? Ничего! Связать его как, уголовного преступника? Распутин был уже над уголовным правом. Заговорщики-монархисты (князь Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич и др.), убившие Распутина, выбрали единственно правильный путь – частная акция, направленная против частного лица. Дело, конечно, сугубо уголовное. Это не было даже террористическим актом.

Побег в святые места нужен был Распутину, чтобы привести в порядок мысли и собраться с силами, ибо в столице, что ни говори, он занимался не своими делами. Да, не своими! Разве политические интриги – это его дела, мужицкие? И финансовые аферы, не по его уму: он никогда не понимал и не мог понять ни механизмов политических интриг и финансовых афер, ни их законов. Не он включался в них, к 1911 году как весьма значительная, сила его включали. Собственно, он всегда был большой марионеткой в чьих-то руках. Своего ничего не имел. Он не обладал ни в малейшей степени созидательным, так сказать, началом. Именно поэтому, из-за своей полнейшей пустоты и бесполезности распутинщина есть громадная сила. Сила вакуумной трубы, вакуумного пресса. Бездна, которой страшное название ничто.

Чудотворцем и лекарем он стал случайно. Так уж на Руси повелось, необходимы, видимо, они в смутное время. Серафим Саровский почти его, Распутина, земляк. Повезло с Казанской истеричкой, кто сейчас установит, когда начали отрастать у Яблоковой волосы? Все знали, что она полысела в одну ночь. Так бывает, верно. Но также, в одну ночь ее голова и могла покрыться волосами. Правда, росли бы эти волосы не одну ночь. «Покрылась локонами», то есть, густыми и длинными волосами. Ну и что, подумаешь, маленькое преувеличение. Если кто-то и видел эти локоны, допустим, через месяц – это достоверно. Время же – не в счет. Все тогда и всех кругом лечили (кстати, и фрейлин Вырубова лечила императрицу Александру, а та, в свою очередь, свою лучшую подругу, Аннушку). Повышенная внушаемость и ее различные телесные проявления, вроде язв христовых на руках верующих, отпадения бородавок и оволосение истеричек (в арсенале Распутина был и такой случай, что не уступившая его притязаниям монахиня, кажется Почаевско-Успенского монастыря, в одну ночь вся покрылась волосами и залаяла собакой) при дестабилизации общественных устоев явление характерное для всех времен и народов, да и при всех религиях. Вот оказался Распутин в столице. Что он мог предложить алчному городу, охваченному всеобщей тревогой (перед 1905 годом!)? Какой капитал принес с собой? Если и было что настоящее, то это навыки, приобретенные в Тюменской лечебнице. И кой-какие знания, например, о древних иудеях, лекарях и просветителях, через видимость блага подчиняющих себе и тела и души страждущих, там же, в лечебнице приобрел. Бродяжничество по Сибирским трактам и трактирам, тоже в то время вещь поучительная. Ну, вот и все. С этим в Петербурге далеко не поедешь. Но еще великолепная привычка стоять и молчать – присутствовать. Смотреть бессмысленно и молчать, опять же только присутствовать. Благо, что физиономия подходящая. Молчи с такой физиономией, остальное за тебя «людишки додумают». К 1911 году Григорий Ефимович, как показывают его письма к царям и многочисленные телеграммы, записки, записи его телефонных разговоров, научился говорить. Но по особому. Не на слова делал акценты, а на неожиданные паузы, которые ловко вставлял в самых неподходящих местах («Маменька, – так он звонит из Петербурга в Царское село Александре Федоровне, – сообщаю тебе и жалуюсь, так... (длительная пауза – Е. Ч.), как Столыпин готовит (длительная пауза) ... бяку мне... (пауза). Гриша»). Если же и говорил плавно, но монотонным, убавляющим, заговорческим полупшепотом, заставляя свою аудиторию пассивно воспринимать его (как в случае в камероновой галерее). Сам он с детства погружался в грезы-на-яву и знал, как погружаются в них и другие. Знал и мог этому ловко способствовать.

Но, стараясь проникнуть во внутренний мир этого, вулкано-подобного темного создания, появившегося на свет божий в облике Григория Распутина, мы все больше и больше убеждаемся, что был он, Григорий Ефимович, существом верующим. И верил он... в себя, как бога. Думаю, что он действительно периодически очень сильно ощущал себя Христом и это передавалось другим, его приближенным: и Александра Федоровна, и Анна Вырубова, и сам Николай II, называли его Христом не из-за большого к нему уважения (а последнее, конечно, имело место быть) и не для того, чтобы польститься (что нередко все они делали), а в силу внушения, которое шло к ним от Распутина. Натура раздвоенная, внутренне болезненная (все тот же результат кровосмешанных браков). Распутин невольно передавал свое сильное внутреннее напряжение окружающим. А это воспринималось, то как гипнотизм, то как магнетизм, то как аура или индусское биополе. На самом деле это было обычное психическое напряжение и непроизвольное индуцирование (психологическое заражение), легко поддающихся этому лиц.

Как-то Распутин сказал: «...Когда мы получаем от господина какое-нибудь боголепие и его потопчем, то делается в нас пустота, святыня не у места». Говорил он это под впечатлением о Бейруте, где Распутин побывал по пути в Иерусалим, где Георгий Победоносец сокрушил змия. Говорил он, конечно, не о себе. Но сказал о себе весьма точно.

5. Одна приватная беседа между Распутиным, Бадмаевым и монахом Илиодором о странностях русской души или... абракадабра

«Слово абракадабра давно известно в Европе и Азии. Еврейские магики вместо абракадабра принимали слово авракалан».
(И.П.Сахаров. «Сказания русского народа»).

Распутин и Илиодор направились в гости к Бадмаеву, предварительно созвонившись с ним по телефону. Бадмаев принял их сегодня в своем доме на Невском (дом №4, вход со двора). Поднявшись на третий этаж по крутой лестнице с деревянными перилами, гости очутились на небольшой площадке перед тяжелой, обитой железом дверью. Три раза, как договорились с хозяином, крутанули звонок. После некоторой паузы дверь бесшумно стала отворяться кнаружи, оттесняя Распутина и монаха к самому краю лестничной площадки. За входной дверью оказалась еще одна дверь, покрытая тесненной кожей. Она была открыта вовнутрь квартиры. На высоком пороге между дверьми стоял Бадмаев, широкое лило его ласково и добродушно улыбалось. «Да какие гости к нам пожаловали, – встретил он Распутин и Илиодора, мягким жестом приглашая их войти, – Ну, проходите же, осматривайтесь. Чай будем пить, у меня тепло».

Григорий Ефимович был в этой квартире впервые. Его привел Илиодор, который бывал здесь у Бадмаева неоднократно. Пришли просто так, пообщаться, попить чайку. В прихожей, большой и квадратной, Распутин осмотрелся. Скромно, чисто. Слева обычная вешалка с верхней одеждой. Справа зеркало в раме из красного дерева, по краям которого по бронзовому канделябру. Широкий простенок разделял двери – правая вела в гостиную, левая – в рабочий кабинет. От прихожей, вправо уходил длинный узкий коридор в подсобные комнаты. Влево – короткий, такой же узкий коридор, соединяющий прихожую с комнатой для гостей. Бадмаев жил одиноко, прислугу отпускал рано и «дорогих гостей» принимал сам.

Так вот, на этом широком простенке Распутин увидел много знакомых и незнакомых лиц на фотографиях разных размеров, вставленных в одинаковые простенькие деревянные рамки и под стеклом. Под каждой фотографией или прямо на ней дарственная надпись (слова благодарности, признательности, любви и дружеские слова), того, кто на ней запечатлен. «Вот так иконостас у тебя, Петр Александрович!», – воскликнул Распутин, несколько обескураженный этой коллекцией. «Ты их, что, всех лечил?»

«Да, нет, так, – заскромничал вроде бы Бадмаев, – друзья, товарищи... помогаем, вот друг другу!»

Распутин подошел поближе. Прямо перед ним висел Щегловитов Иван Григорьевич, министр юстиции, председатель Государственного совета. Веером от него располагались портреты двух: Струве Отто Васильевича, академика, директора Пулковской обсерватории и его однофамильца писателя и философа Петра Бернгардовича (того и другого Распутин знал лично). Знал он также и журналиста Суворина Александра Сергеевича, редактора «Нового времени». Рядом с ним благородное с иудейским профилем незнакомое лицо, слова благодарности и подпись И. А. Ефрон. Чуть повыше незнакомый Сабашников С. В. Совсем маленькая фотография князя Феликса Юсупова и прямо на ней каллиграфическим почерком выведено: «Бадмаеву – великому лекарю. Дружески». Неестественно узкая фотография молодого человека с печальным лицом, на груди у которого мелким почерком написано – «Петру Александровичу Бадмаеву... друг мой, брат мой!» и подпись «Семен Надсон».

Григорий Ефимович прямо-таки растерялся, мысли у него заплясали: эти лица, эти люди. Все они вот здесь, у Бадмаева, вместе. Открыто и откровенно благодарят его и возносятся, как великого человека и лекаря. Как ученого (оба Струве) и писателя (Суворин, Сабашников, Ефрон). Он, пораженный таким сборищем, не сразу обратил внимание на две фотографии, без рамки, просто наклеенные на твердый картон. Они висели несколько поодаль – рядом, совершенно одинаковые и по размеру и по тому, что на них было изображено. А были на них – белая лебедь на правой и черная лебеда на левой... Одилия и Одетта. «Да это же Малечка Кшесинская!», – мысленно воскликнул Григорий Ефимович и в голове его сразу просветлело. Образ примы-балерины Мариинского театра на одной стене с другими «образами» словно внес в сознание Распутина какой-то сокровенный смысл, объединяющий все, что он сейчас рассматривал и его, рассматривающего тоже, и самого хозяина Бадмаева, сопящего и теплого за спиной, и даже замешкавшегося у порога еще холодного с дороги Илиодора. На этих, словно зеркальных фотографиях (балерина была запечатлена в одной и той же позе, в одинаковой пачке, только черной – в Одетте и белой – в Одиллии) не было ни слов благодарности, ни даты. Лишь автографы и тоже как бы зеркальные: «М. Ф Кшесинская».

«А, может быть, она не тебе это подарила?», – спросил со слабой надеждой Распутин, тыча пальцем в фотографии Кшесинской и поворачиваясь к Бадмаеву. Широкое лицо бурята сразу же расплылось в лукавой улыбке, а кисть левой руки плавно повела в сторону двери, ведущей в кабинет. Там, над дверью, в роскошной огромной позолоченной раме висела, словно картина, еще одна фотография – Кшесинская на балконе своего особняка простирает руки к нарядной толпе, собравшейся около парадного. На этой (Фотографии надпись: «Люблю, люблю, милый мой Бадмайчик – пай – мальчик!»)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.